

С. 1 В её состав входили кадровые сотрудники госбезопасности и местные патриоты. Человек, написавший послание на обложке, считался ближайшим помощником резидента, которого в кругу подпольщиков звали Максим. Кто-то знал его под именем Иван Данилович Кондратюк. На самом же деле это был старший лейтенант аппарата внешней разведки Советского Союза Иван Данилович Кудря. Широкой публике о нём стало известно лишь спустя двадцать лет, после того как отгребли последние залпы Второй мировой войны.

ШАГИ К ЛЕГЕНДЕ

Непосто складывалась судьба юного уроженца села Сальково Киевской губернии: безотцовщина рано отправляет во взрослую жизнь. Работы в любой сезон предостаточно, да не каждый хозяин возьмёт в батраки малолетку. Не то что бы жалко его, худосочного, – проку мало. Ване «повезло». И вплоть до того как пришёл срок идти в школу, вносил хлопцев свой вклад в семейный бюджет, став матери послышным помощником. По окончании «семилетки», какое-то время послесарив в местной МТС, парень поступил на педагогические курсы. После успешного их окончания был поставлен районным отделом образования на должность заведующего начальной школы. Однако карьера учителя развития не получила: в начале тридцатых годов Иван Данилович, получив повестку райвоенкомата, отправился пополнять ряды Вооружённых сил СССР.

Попал новобранец в пограничные войска. Большинство тех, кто надел зелёную фуражку, очень скоро с невероятной отчётливостью начинали понимать: от того, как крепко стоишь на рубеже, напрямую зависит покой страны. Для многих защита государственной границы стала неотъемлемой составляющей жизненного пути. В середине срочной службы Иван Кудря отбыл на учёбу в Ново-Петергофское военно-политическое училище пограничных и внутренних войск НКВД имени К.Е. Ворошилова. Предложение командования отряда стать профессиональным военным он принял без раздумий.

В 1938 году лейтенант ступил на опасную стезю сотрудника внешней разведки. Рекомендации для работы в специфической структуре госбезопасности получают не многие молодые офицеры. Он оказался в числе избранных. За три месяца до начала войны Кудря был командирован в Киев. Возглавив один из отделов НКВД Украины, вплоть до того как войска фашистской Германии перешли границы, будущий резидент занимался разработкой подполья ОУН, руководителем которого с нетерпением ждали начала боевых действий, чтобы в подходящий момент влиться в ряды захватчиков.

В один из тяжёлых дней, когда гитлеровцы с триумфом продвигались в глубь советской территории, Ивана Даниловича вызвали к заместителю наркома госбезопасности Украинской ССР полковнику Сергею Савченко. Офицер, ожидая вызова в кабинет руководителя высокого ранга, даже не предполагал, что после аудиенции военной формы ему больше не носить. Приняв предложение возглавить разведывательно-диверсионную группу в случае захвата города, он снял её и спрятал в шкафу. Ещё не предполагая, что навсегда. Вживаясь в легенду, «примерил» биографию сына репрессированного священника. По документам стал значиться учителем украинского языка и литературы средней школы.

Как показали дальнейшие события, Кудря оказался талантливым разведчиком. Про таких говорят – прирождённый. Не терявший головы даже в самых, казалось бы, безнадёжных ситуациях, он умел быстро находить точки соприкосновения с людьми, быть убедительным. Ему доверяли безоговорочно. На квартире, снимаемой на Институтской улице у Марии Ильиничны Груздовой, ставшей, опять-таки по легенде, его невестой, он загодя создал тайники для хранения оружия, радиции, денег, документов и средств для их изготовления.

Стезя резидента

Раиса Окипная.

Герой Советского Союза Иван Кудря.

ПО ДОЛГУ И ПРИЗВАНИЮ

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ НЕЗВАННЫХ ХОЗЯЕВ

19 сентября части Красной армии оставили Киев. Последними ушли на восток, подорвав все мосты на Днепре, подразделения 4-й дивизии войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. А с запада в тот же день в город вошли покорители Европы.

На какое-то время улицы попали под власть преступного элемента. Начались грабежи. Казалось бы, немцы должны были пресечь на корню эти бесчинства. Как бы не так! Не только солдаты, но и офицеры, разгоняя мародёров, принимались сами тащить всё, что плохо лежало. На следующий день в городе всё-таки навели порядок и тут же объявили приказ военного коменданта, обязывающий население в кратчайший срок сдать огнестрельное оружие, противогазы и радиоприёмники. Граждане подчинились. Подпольщики внесли свою лепту в процесс конфискации имущества.

Торговый зал магазина «Детский мир» стал одним из пунктов хранения радиоприёмников. 24 сентября одним из последних в него проследовал мужчина в рабочей одежде. Принесённую радиолу он поставил как можно дальше от входа. Аккурат с наступлением комендантского часа улицу потряс мощный взрыв. Сработала «адская машина», умело заложенная внутри попавшей под запрет бытовой техники, с которой с удовольствием растаскился неизвестный горожанин. И тотчас же сдетонировали боеприпасы, складированные в подвале соседнего здания. Более сотни офицеров комендатуры и гестапо нашли свой конец в руинах. Не поздоровилось и самому коменданту: взрывной волной его выбросило в разбитое окно кабинета.

Резонансная акция, проведённая членами группы Максима, стала началом внесения разнообразия в будни незваных гостей, возмнивших себя хозяевами. А потом начали взлетать на воздух кафе, театры и кинотеатры; сгорели Радиокomiteт, Центральный почтамт, ломбард, пять крупных гостиниц. В ничто обращалось всё, что рисковали использовать фашисты в военных и бытовых целях. Попытки пожарных команд залить водой огненные смерчи успеха не возымели. Прокладываемые от Днепра шланги оказывались перерезанными, и попытки пресечь уничтожение мобильных коммуникаций с завидным постоянством терпели фиаско.

«В СВОБОДНОМ ПОЛЁТЕ»

Радиограмма, отправленная в Москву, с подробным докладом о боевой

деятельности резидентуры оказалась последней. Связь прервалась по причине, не предвиденной в ходе планирования длительной работы в условиях оккупации. Под видом борьбы с пожарами немцы взорвали множество показавшихся им подозрительными домов. В том числе и тот, в котором была начинённая тайниками квартира Ивана Кудря. Погибло всё, в том числе и рация. С того момента работать пришлось фактически «в свободном полёте» – без согласования действий с Центром.

1 мая 1942 года группа подрывников, в короткий срок сформированная Максимом, на перегоне Киев – Жмеринка пустила под откос эшелон с боеприпасами и личным составом вермахта. В тот же день спускавшийся к Подолу по крутому склону трамвай, в котором ехали немецкие офицеры, «неожиданно» лишился тормозов и, бесконтрольно набрав скорость, ушёл на тот свет всех пассажиров.

Масштабные диверсии, естественно, привели в движение мощные силы гитлеровской контрразведки. Однако проводимые оперативные действия не принесли результатов. Фашисты поняли, что имеют дело с высококласными профессионалами.

В начале апреля 1942 года с подмосковного аэродрома взлетел и взял курс на Украину самолёт. Его пассажирами были радист и два связника, направлявшиеся к резиденту. Выброска в намеченной точке не состоялась. Над Белой Церковью самолёт нарвался на мощный зенитный огонь, и разведчики десантировались под Могилёв-Подольском. До Киева – не ближний свет. В довершение ко всему воздушными потоками парашютистов разнесло в разные стороны. Добирались к цели кто как мог. Дошли только двое... Без радиции.

Наиболее важные сведения Максим отправил в Центр с его посланцами – Лидией Росновской и Анатолием Трусовым. Им удалось благополучно пересечь линию фронта и добраться до Москвы.

Резидентура продолжала действовать в прежнем режиме, используя возможности окольных путями передавать командованию ценную развединформацию. Её собирали люди, внедрённые в особо важные «конторы». Даже в киевском гестапо был свой человек, имевший возможность устроить подпольщиков на работу в железнодорожные мастерские и гараж генерального комиссариата, автотранспорт которого пользовались высшие офицеры.

Жизнь, как известно, полна неожиданностей. И тот, кто умело их ис-

пользует, в конечном итоге остаётся в выигрыше.

В первые дни оккупации, проходя по одной из центральных улиц Киева, Иван Кудря лицом к лицу столкнулся с отставным петлюровцем, на которого ещё до войны вёл дело. Оба прекрасно знали, кто есть кто, и, казалось, до провала резидента рукой подать. Разведчик мгновенно сориентировался и, начав разговор с бывшим подследственным, молниеносно включил способность проводить вербовку. В итоге неожиданный встречный, работавший переводчиком при специальной команде гестапо, пошёл на сотрудничество и стал поставщиком весьма полезной информации. Усатый – под таким псевдонимом проходил новоявленный подпольщик – совсем скоро предоставил Максиму список немецких агентов, которых разведпункт абвера готовил к заброске в тыл Красной армии для работы в Москве, промышленных районах Сибири и Поволжье. Полученные данные на диверсантах Кудря успел передать в Центр ещё в то время, когда у него имелась бесперебойная связь.

Наряду с кадровыми сотрудниками госбезопасности шли на подвиг украинские патриоты. Имена большинства из них остались неизвестными. Лишь о минимальном количестве боевых товарищей, входивших в группу Ивана Кудря, есть сведения в архивах разведки.

Пенсионер Евгений Линкевич сохранил конспиративную квартиру на окраине города. Подпольщица Мария Сушко хранила секретные документы резидентуры, активно участвовала в распространении листовок. Юная Лидия Мирошниченко вела наружное наблюдение за интересующими разведчиков людьми. Раиса Окипная – прима Киевского оперного театра – по заданию резидента устанавливала полезные связи в среде высших чинов полиции и армейских офицеров. Лучшую подружку оперной дивы, немку по происхождению, Евгению Бремер фашисты считали фольксдойче и претензий к ней не имели. Но именно она, не попавшая под подозрение контрразведки, снабдила нужными документами и вывела из занятого врагом Киева девятнадцать советских офицеров, собирала сведения о графике поездов, военных грузов и специальных эшелонах, их перевозивших. Именно Бремер помогла привлечь к работе в группе неуловимого Жоржа Дудкина, до того в одиночку совершившего серию дерзких акций.

Мария Груздова – по легенде невеста Максима – ещё до войны была соседкой некого Лютинского, который при немцах занимал должность начальника жилищного управления Центрального района. Он, естественно, не ведая о том, чем в настоящий момент занимается его знакомая, по старой памяти помог ей устроиться управляющей домом №4/6 на улице Кузнецкая, в котором обосновался разведпункт абвера. Груздовой удалось войти в доверие к его руководителю – Мейеру (он же Миллер, он же Антон Иванович Мильчевский – крупный немецкий разведчик, с давних времён работавший на Украине). В результате появилась возможность выявлять агентуру противника. Сведения о 87 фашистских лазутчиках Иван Данилович аккуратно занёс в школьную тетрадь. Ту самую тетрадь, которую обнаружили в брошенном архиве при освобождении Киева. Летом 1942 года Мария Груздова передала её заместителю резидента Дмитрию Соболеву. Он был арестован за два дня до освобождения города. Так тетрадь сначала попала в руки гестапо, а потом – в Москву. Забегая вперёд, хотелось бы сказать: ни один из фигурантов «списка Кудря» не избежал кары.

ОТ ПОДВИГА К ВЕРДИКТУ

Теперь уже трудно установить, из какого источника почерпнул резидент сведения о том, что под Винницей во-

енно-строительная организация генерал-майора Фрица Тодта приступила к сооружению секретного объекта. Точной информации о происходящем в лесном массиве под охраной отборных частей вермахта и гестапо у Максима не было. Прекрасно понимая, что получить её можно только на месте событий, он принял решение использовать обширные связи Раисы Окипной, среди поклонников таланта которой было немало высших офицеров, посещавших Киевский оперный театр.

Раиса была родом из Винницы. Там же до войны она блистала на музыкальных подмостках. Казалось, обращение к немецким властям с просьбой посетить родные края с гастролями не вызовет подозрений. Расчёт оказался неверным. Будь у Кудря связь с Москвой, он бы знал, что в Центре уже в курсе того, что в районе посёлка Стрижавка создаётся ставка Гитлера «Werwolf». А значит, проявлять внимание к тем местам смертельно опасно. Но связи не было, и попытка добыть пропуск в Винницу послужила провалу резидентуры.

Как только руководству служб безопасности Киева доложили о том, что Окипная настойчиво просит директора театра организовать серию концертов в городе своей юности, СД мгновенно активизировалась. Опытный агент получил задание и приступил к действию.

Нанетта, она же – Наталья Францева Грюнвальд, в короткий срок сумела сблизиться с актрисой, выдавая себя за землячку. Когда Максиму доложили о том, что новая знакомая Раисы – врач и, кроме того, заведующая лабораторией поликлиники, он проявил к ней профессиональный интерес: для изготовления и подделки документов требовались химикаты, а Нанетта могла их достать. С проверкой нового члена группы Кудря катастрофически опоздал. Агент СД уже установила связь примы с резидентом. А дальше, как говорится, ухватил за ниточку – распутал клубок.

В первых числах июля 1942 года Иван Кудря, Раиса Окипная, Евгения Бремер и часть членов подполья были арестованы. В течение трёх месяцев гестаповцы жестокими пытками пытались, сломив их волю, получить сведения, касающиеся работы резидентуры и оставшихся на свободе патриотов. Разведчики держались стойко до конца...

В настоящее время нет точных данных о дне гибели Ивана Кудря, которому в тот год исполнилось тридцать лет. По неподтверждённым сведениям, последний путь Раисы Окипной и Евгении Бремер лежал в сторону Бабьего Яра.

В канун 20-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года за мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Ивану Кудре было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Чуть позже на экраны страны вышел фильм «Два года над пропастью», снятый на киностудии имени Александра Довженко по одноимённой повести Виктора Дроздова и Александра Есеева. В нём с исторической точностью рассказывается о работе киевского подполья под руководством талантливого разведчика...

4 апреля 2019 года российское государственное информационное агентство ТАСС сообщило: «...Киевский городской совет постановил переименовать названную в честь разведчика и Героя Советского Союза Ивана Кудря улицу в центре столицы и присвоить ей имя скончавшегося в 2018 году сенатора Джона Маккейна...»

Подавляющее число присутствовавших на заседании проголосовали «за».

Оставим этот чудовищный вердикт на суд истории. 🇷🇺

Фото с сайта yandex.ru

Благородный изумрудно-зелёный цвет давно стал настоящим атрибутом службы на границе. В нём воплощены фуражка, элементы формы одежды, выполненные на погонах, флаги и выпелы кораблей береговой охраны ФСБ России.

Мария ВЕТОШКИНА

КАК ЭТО БЫЛО

В истории охраны морских рубежей зелёный цвет присутствовал не всегда. Например, крейсера Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) ходили под кормовым флагом и выпелом Министерства финансов, выполненными без использования зелёного цвета. И это несмотря на то, что в конце XIX века тёмно-зелёный оттенок использовался пограничниками и таможенниками как основной. К слову, из-за этого порой возникали недоразумения в определении принадлежности.

Ситуация поменялась в 1902 году, когда в элементах формы одежды ОКПС повсеместно стал использоваться изумрудный цвет.

После Гражданской войны вектор развития отечественной геральдики и символики резко изменился. В эпоху разительных перемен перекраивались законодательство и уклад жизни обычных граждан, строились заводы и фабрики, разрабатывалась новая государственная атрибутика, в том числе и флаги Вооружённых сил.

Несмотря на преобладание в советской военной символике того времени красного цвета, сохранялись и привычные ранее признанные оттенки. Причём часто их использовали как отличительную черту принадлежности к тому или иному роду войск. Поэтому на стягах защитников рубежей стал использоваться зелёный цвет как основной.

24 августа 1924 года постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР утвердили новый кормовой флаг и выпел пограничных судов.

Флаг пограничных флотилий ОГПУ представлял собой изумрудно-зелёное полотнище с крыжом военно-морского флага Советского Союза в левом верхнем углу, равным четверти стяга. Впервые морские стражи рубежей обрели своё уникальное знамя. Вымпел пограничных кораблей был идентичен флагу, его лишь отличали кисты на противоположной от крыжа стороне.

Но вскоре и эти знамёна были изменены. Дело в том, что флаг Военно-морского флота СССР был очень похож на японский флаг ВМС. Он представлял собой красное полотнище с белым кругом в центре, от которого расходятся восемь белых лучей, в середине «солнца» расположе-

ны серп и молот в пятиконечной красной звезде. Такое сочетание, бесспорно, придавало флагу торжественности, но из-за сходства с японским могло создать путаницу в определении принадлежности боевых кораблей и подаче сигналов. Поэтому после образования советского Тихоокеанского флота военно-морской флаг сменился.

Фото из архива ПУ ФСБ России по Калининградской области

Под изумрудным стягом